

СОВРЕМЕННАЯ

ПРОЗА

Михаил
ЛИПСКЕРОВ

ВНИЗ ПО
МАТУШКЕ
ПО ХАРОНИ

Михаил Липскеров

Вниз по матушке по Харони

«Издательство АСТ»

2020

Липскеров М. Ф.

Вниз по матушке по Харони / М. Ф. Липскеров — «Издательство АСТ», 2020

Книга о плавании корвета «Вещий Олег» по реке Харони, текущей от Селезнёвских прудов до города Дальневостокска. Этот корвет зафрахтовал некий мужичок Калика Переплывный для поисков соли земли русской. Читатель узнает о жизни и истории многих городов, сёл и деревень, до этого ему неизвестных. Среднего Новгорода, Прикаменска, Новопупинска, Утопическа, русско-китайского города Вань-Мань и прочих. Узнает историю культа Стратотерпицы Пелагеи Никитичны. Повстречается с Садко, Стенькой Разиным, Лелем-Лёли-Лелем, а также со Стариком, со Старухой и примкнувшей к ним Золотой Рыбкой. О народных промыслах: от липового лосьона до гвоздильного ремесла из ранее неизвестного материала. Ну, и много еще чего. Команда состоит из шкипера Аглая Трофимыча Циперовича, Сидорова Козла и Нупидора. А также пассажиров Клопа, Калики Переплывного, Марусеньки с ея белыми ногами. Ну и автора, Липскерова Михаила Федоровича. Да, и еще. Золотой пердонец!.. Ну, и узнаете, удалось ли героям найти соль земли русской.

© Липскеров М. Ф., 2020

© Издательство АСТ, 2020

Содержание

Краткий очерк о реке Харонь	6
Как Сидоров Козел стал рулевым	8
Повествование о Клопе	10
История золотого пердонца	13
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Михаил Липскеров

Вниз по матушке по Харони

По стольному городу Москве, по улице Селезневская, название которой говорит о когда-тошнем обитании в районе ее птицы-селезня, давшей начало роду уток-крякв в водных гладях Отечества, проходил некий ушлый старичок, коего именовали Калика Переплавный.

Он намеревался отправиться вглубь России по реке Харонь в поисках соли земли Русской, без которой русскому человеку жить невмоготу. В смысле поисков смысла жизни в высшем смысле этого выражения. В принципе, на хрена все это вообще, пацаны. Нас ни в коем разе не интересует что-то конкретное. Не-не-не... Только вообще! Что-то конкретное требует конкретного решения, а вообще – бесконечных размышлений. Ну, вы понимаете: звездное небо над нами и нравственный закон внутри нас. Это наше исконное, хоть и немецкое. Но ведь недаром, дядя, город Кенигсберг переименовали в Калининград. А именем Кант стали называть красную хреновину вдоль генеральских порток. Ох недаром.

Итак, кто такой Калика Переплавный? Нашему былинно ориентированному читателю хорошо известен образ калики перехожего – пожилого мужичка, шляющегося из быliny в быliny, из сказки в сказку, из одного словесного распева в другой. Третий, четвертый – и так далее. И обо всем, что видел и слышал, он сообщал падкому на все экзистенциальное русскому земному человеку.

Но наш Калика, обладая всеми перечисленными достоинствами, был лишен одного качества – страсти к долговому пешему передвижению. Потому как страдал землебоязнью. Однако в отличие от водобоязни бешенством тем не менее обременен не был. Ну и хорошо. Как-нибудь позже я расскажу вам о причинах столь орфанного заболевания.

Практически всю свою долгую жизнь он провел на водных артериях России-матушки в поисках вечных законов бытия. А почему он плавал? Да потому, что начал озабочиваться поисками, когда в России пеших дорог было мало, а плавательных много – а много в данном случае лучше, чем мало. К тому же он был на ноги слаб по причине облитерирующего атеросклероза. Так что в данный момент он с трудом шествовал из канала Москва – Волга к Селезневским прудам, где кой-какую силу уже набрала река Харонь.

И вот краткий очерк об этой реке, которой грозит стать главной героиней моего замечательного произведения.

Краткий очерк о реке Харонь

Через всю страну тянется река Харонь. Через всю Россию. Через всю ее неоглядную ширь. Славная своими головастиками, лазурными сточными водами, опарышами на рыбо-ловецких крючках, некоторым количеством рыбы, стаями уток-крякв для стрельбы по ним прямой наводкой ружьями-тулками Ижевского завода имени Калашникова. Ну и различными судами военного, делового и гуляльного назначения.

Река Харонь – главная водная артерия, становой хребет русской идентичности, кладезь русского песенного рок-н-ролла, наше все после Пушкина и хлеба, который к этому еще и всему голова.

Река рек русских младенцем выкарабкивается из подземного коллектора реки Яуза, проходит по долинам, рощам через мордву, мари и чувашей. Затем пересекает Каменный хребет, деля его на карте на две части: верхнюю и нижнюю. Из которых, соответственно, вытекают две реки: Верхняя и Нижняя Кунгуски. А из-под всего Каменного хребта вытекает, соответственно, Кунгуска Подкаменная. А Харонь течет дальше, своим ходом вбирая в себя строительные отходы, промышленные, нефтяные, газовые – ну и человеческие, само собой. Но не без чистой водицы из Селезневского пруда и притоков через все Сибиря и Дальние Востоки втекает она в Хароньский залив. Затем Харонь плывет посередь пролива Лаперуза в Тихий (Великий) океан. И вбирая по пути реки и речушки России, становится все чище и чище.

Естественно, мой читатель вправе задать вопрос, для чего, с какого-такого детерминизма Калика шлепал по Селезневке. А с такого, что на Селезневке имели место Селезневские пруды, через кои протекала в практическом изначалье река Харонь. И вот там, у классического русского пивняка, базировался флагман московского речного флота корвет «Вещий Олег». Это был очень древний пивняк. От него, хлебнув «ерша» (смесь пивца с водчонкой), со времен Хлодквиста спокон веку уходили в буйные набеги на Папонтовку, Шлюберцы и дальше в тевтонские земли славные славянские славянцы. Чтобы разжиться меховой рухлядью, ковром персидским, златом-серебром да разного рода бабцом для утети молодецкой, зрелой похоти и телесного сугрева. Командовал корветом старый прожженный пират Аглай Трофимович Циперович, славный тем, что на сем корвете то ли в VII, то ли в VIII веке утопил насмерть в Баб-эль-Мандебском проливе арабский атомный ледокол. И с тех пор льды в Баб-эль-Мандебском проливе сгнули насмерть. Потому как если нет ледокола, то откуда взяться льдам? Из виски со льдом? Так арабы виски – что со льдом, что без оного – не потребляли по причине ислама. Вот потому-то льда в Баб-эль-Мандебском проливе с тех пор не бывало. Насмерть.

На сей раз корвет намыливался в плавание к далеким берегам Тихого (он же Великий – в России все великое) океана, через всю Россию-матушку, Родину-мать, да и просто твою мать океана в поисках соли земли Русской. По берегам Селезневских прудов толпились провожающие смерды, бояре разного разбора и прочий офисный планктон в ожидании отвальной, коею по старинному обычаю проставлялся флагманский московского речного флота корвет «Вещий Олег».

Об этом событии Калика Переплывный, полный природных поэтических придурей, составил лирический заголовок «Отплытие».

Теперь настало время рассказать за экипаж корвета «Вещий Олег», ибо еще не настало время корветов, плавающих сами по себе, самостоятельно отдать неизвестно кому швартовы и поднять все паруса, одни названия которых перечислять замучаешься, а уж об поднять и слов нету. То есть слова есть кому сказать, а вот приспособить их к делу – и разговора нету. А раз разговора нету, то и делу взяться неоткуда.

Вот такая вот хлопотень.

(Не заморачивайтесь сутью написанного. Это не единственные строки, которые будут вам непонятны. Как, впрочем, и мне. Пишу, ибо гонят меня кони. Но, возможно, на одном из постоянных дворов моего бытия ко мне придет понимание написанного, и я об том вам поведаю. А теперь погнажи.)

Старшим помощником шкипера Аглая Трофимыча Циперовича, по совместительству рулевым, был Сидоров Козел.

Как Сидоров Козел стал рулевым

Занимательна история попадания Сидорова Козла на корвет. И история его имени-прозвища Сидоров Козел. Когда-то будущий Сидоров Козел убил первого рулевого корвета, имя которого в истории не сохранилось. Дело было так: тогда будущий Сидоров Козел был рулевым ботика царя Петра Алексеича на Алексеевских прудах в Измайлово. И вот как-то, когда Петр Алексеич воевал шведа, наш герой забрел в кабак на Селезневских прудах, сильно выпил, и ему приглянулась одна девица, вся в шелках и туманах. И к ней кадрился какой-то малый. Тоже сильно пьяный. А девица говорила «нет-нет-нет». А тот стал ее хватать, а она – «нет-нет-нет». И, напротив, стала улыбаться нашему герою. А тот... И завязалась кровавая битва. И в кабацкой пьяной драке будущий Сидоров Козел засадил сопернику под сердце финский нож. А тот оказался рулевым корвета «Вещий Олег». И тогда Аглай Трофимыч по библейскому принципу «око за око, рулевой за рулевого» и забрал Сидорова Козла рулевым на корвет. А перед отплытием в дальние страны Сидоров Козел женился на девице в шелках и туманах, которую звали Еленой.

И он много лет плавал на «Вещем Олеге» рулевым. И это дело знал досконально. Не было случая, чтобы корвет плыл в Индию, а приплыл бы в Америку. Не было такого. А так – где он только не плавал и не был. В Египте бананы ел, пил кофе на Мартинике, курил в Стамбуле злые табаки. Но в любом порту, в любой заморской гавани он по дому тосковал. По дому № 42 на Селезневской улице, где его из плавания ждала эта вот жена Елена. Но вот что было: она по старой привычке, дыша и туманами, ходила в кабак на Селезневской улице. Так очень часто бывает у жен моряков дальних и средних плаваний. Грек из Одессы, еврей из Варшавы, юный корнет, седой генерал и прочий разночинный люд... Об сих ее походах рулевому докладывали соседи, друзья, прочие доброжелатели – да и сама виновница в моменты глубокого раскаяния. Тем не менее наш герой не проявлял милосердия и драл ее как сидорову козу. Она плакала от боли, а он – оттого, что причинил ей боль. И соседи, друзья, прочие доброжелатели женского пола, качая головами, говорили по этому поводу: «Любит!».

И слова эти – «сидорова коза» – к ней прилипли и стали родным именем. И таким образом и его стали звать Сидоровым Козлом. И детей их тоже стали бы звать Сидоровыми Козлами. Но детей у них не было. Впрочем, возможно, у Сидорова Козла дети где-то и были, все-таки дальние и средние плавания, но мне об этом ничего доподлинно неизвестно.

И корвет «Вещий Олег» от берега отвалил, и всю наяривает по Харони в сторону востока, и уже миновал черкизовские, шелковские земли и вырвался на просторы Замкадь в районе впадения в нее мазутного притока, исходящего из холдинга «Бигшиномонтаж».

Ну а теперь, милостивые государи мои, настало время представить вашему вниманию еще одного члена экипажа славного корвета «Вещий Олег».

Этот второй был законченным пидарасом. И абсолютно не важно, что он ни разу в жизни не разговелся мальчиком. Кого это колышет. Каждый русский человек, глянув на него, без сомнения сплюнул бы в его сторону: «Ну, пидор!» И это имя для местного человечества приняло уже исключительно всеобщий характер. И ни в каких других человечествах больше не водилось.

– А какие бы вы, Михаил Федорович, – спросил меня Аглай Трофимыч, – предложили мне свойства поведения и характера, характерные для пидора, не имеющего гомосексуальных склонностей? И можно ли без особых последствий для истины назвать «пидором» русскую женщину гетеросексуальных взглядов на бытие?

И я вынужден был повторить ему выражение, которое любит употреблять русский человек, когда затрудняется с ответом или чтобы не ломать себе голову, и которое я уже приводил несколькими строками выше:

– Какие такие свойства? Пидор он и есть пидор. – И сплюнул за борт корвета «Вещий Олег».

Подробнее о нем речь пойдет несколько позже.

И служил Нупидор на корвете пидором. Потому как без пидора в любом расейском деле? Никак! И как без пидора русскому плавателю по великой реке Харони плыть тем более? На кого свалить все, что можно сваливать? К примеру, не поднимается парус, не заводится мотор, не отдаются швартовы, да и просто зла не хватает – и тут этот пидор роняет себе на ногу топор (и на хрена он выперся на палубу с топором, ровно дровосек какой?). Ну, и вы тут же радостно восклицаете:

– Ну, пидор!..

И тут же – парус в небеса, мотор в рев, швартовы в... ну, куда положено. И всем хорошо.

Так что хоть и деловой надобности в Нупидорах нет, но без них народ неполный.

И был еще один член экипажа. Не сильно член в человеческом понимании этого слова и не сильно человек в том же понимании. А так себе – клоп. Настоящий живой Клоп.

– А что подельвает Клоп на борту корвета «Вещий Олег»? – спросите вы.

– Живет, – отвечу я.

– Как живет? – спросите вы меня.

– А вот так и живет, – отвечу вам я. – В софе.

– В какой такой софе? – спросите вы меня.

– Значит, так, – начну я свое краткое повествование о жизнепребытии Клопа в софе на борту корвета «Вещий Олег»...

Повествование о Клопе

Эту самую софу Аглай Трофимыч доставил из рассказа М.М. Зошенко, после чего был немедля укушен Клопом, который обитал в этой софе со дня ее основания, считал ее семейной ценностью и очень не любил посягнувших на его собственность. А так как говорить он не умел, чтобы эту самую свою нелюбовь определить голосом, то он, значит, сразу кусал посягателя куда-нибудь в расчете, что севший свалит с его родной софы на какую-нибудь другую софу. Этот Клоп, видимо, обладал не слишком высоким IQ и не предполагал, что российские софы без клопов не существуют. Потому что какая же это российская софа без клопов?! Отечественная софа не мыслит себе существования без кровного клопа, ибо это будет уже не отечественная софа, а какая-нибудь прилудная оттоманка, на которой можно лишь откинуться на спинку, но никак уж не спокойно сидеть. Не говоря уж о том, чтобы на ней ночь соспать или плотские утехи творить, потому что злобная натура Клопа гонит его вмешаться в эти процессы и сорвать сонный или любовный джек-пот своим гнусным участием.

Так что Клоп цапнул Аглая Трофимыча куда-то, после чего тот крикнул Сидорова и Нупидора, и те швырнули софу вместе с Клопом в набежавшую волну Селезневских прудов. И сказок о нем не расскажут, и песен о нем не споют. Лишь шаланды, полные кефали и, наоборот, пустые от ея, бросят на месте гибели усопшего (утопшего) Клопа венок выметенных с сайта «Стихи.ру» выкидышей сонетов. А авторы их будут сидеть на бережку Селезневских прудов, пить горькое пиво (пивняк вот он, под рукой), улыбаясь глубиной души, и петь не шибко красиво в нашей земной глуши. (Эту фразу я написал совместно с незабвенным Александром Вертинским, за что и говорю ему почтительное «простите».)

А Аглай Трофимыч заказал новую софу, в которой... что?.. правильно, оказался Клоп. То ли это был новый Клоп, то ли реинкарнировавший старый, но он тут же цапнул Аглая Трофимыча обратно в то же самое куда-то. Мебельные люди по рекламации тут же обратно заменили софу с Клопом на софу без Клопа. Нет нужды повествовать вам о том, что и в третьей софе обитал Клоп. Вполне себе натуральный Клоп. Но тихий, незлобивый. На мандолине любил играть. На сём и остановились.

И вот корвет «Вещий Олег» плывет себе из Селезневских прудов в реку Харонь. И, как было сказано выше, оказывается в Замкадье во владениях холдинга «Бигшиномонтаж». И пристает к причалу.

– А для какой надобности водоплавающему механизму нужен «Бигшиномонтаж»? – шепотом спросите вы меня.

А я и сам в недоумении на эту тему, поэтому транслирую ваш вопрос Нупидору. Который как раз в сей момент выперся на палубу с сачком для ловли бабочек. Нупидор вместе с сачком подпрыгнул ровно в «Blue сапагу», а когда опустился на палубу, то отвечивал:

– А это, красава, для забора автопокрышек по бортам корвета. Чтобы корвет своим стальным боком не разрушил причал. Или чтобы причал не развалил стальной бок корвета. А то на Руси не напасешься причалов. Поняли, красавы мои?.. – Взмахнул сачком и поймал бабочку-махаона, тщательно осмотрел ее, проговорил: – Мужчинка... – и выпустил его с ласковым «Шерше ля фам, красава мой...».

Махаон-мужчинка улетел шершень ля фам, а корвет стальным боком шархнул по причалу и развалил бы его к такой-то матери, если бы не прифигаченные к причалу шины.

И были отданы швартовы, и перекинут мостик на неразваленный причал, и Аглай Трофимыч сошел на берег, имея на плече Клопа, у которого в софе на «Бигшиномонтаже» имела дама сердца. Потому как эта самая софа была в родственных связях с софой на «Вещем Олеге» и даже имела один с ней артикул.

Ну и, как вы сами понимаете, Калика Переплывный также сошел на берег, чтоб начать формальные и по существу вопроса поиски соли земли Русской.

Его приветствовал во всей своей красе Арам Ашотович – генеральный директор фирмы и, чтобы не было недомолвок, гражданин Российской Федерации со времен императора Павла. Так, во всяком случае, он утверждал, а опровергнуть эти данные было некому, так как кто ж его знает. Ну, и подтвердить тоже – так как кто ж его знает. Но было одно неопровержимое вещественное доказательство русскости Арама Ашотовича, категорически опровергающее его кавказскость, – безукоризненная выбритость щек и отсутствие шерсти на грудной клетке. А что ж это за кавказскость – без шерсти на грудной клетке? Вот я и говорю. Ну, и кавказского акцента у него не было никакого. Когда молчал. А когда говорил, то куда же денешься.

И, значит, Арам Ашотович крепко обнял Аглая Трофимыча, трижды расцеловал его по старинному русскому обычаю. Не макнул голову по его плечам, а расцеловал – так, как когда-то целовали на Руси, с ахом, свистом, сладким чмоком, так, что листва с окрестных деревьев облетала насмерть. И определить по ней стороны света или сезон погоды было решительно невозможно.

А после поцелуйного обряда Аглай Трофимыч представил Араму Ашотовичу Калику Переплывного:

– Вот, Арам Ашотович, пытливый человек со мной плывет. Зафрахтовал посудину на бесплатной основе. На предмет обнаружения соли земли Русской. И имя его будет Калика Переплывный. И автомобильные покрышки нам нужны бессчетно, где-то штук пятьдесят, потому как причалов по пути нам долбать придется тоже бессчетно, где-то штук пятьдесят. Потому как велика земля русская, длинна река Харонь, городов и прочих поселений в ней не сосчитать, а в каком таится соль земли Русской (с чего начинается родина), нам неведомо, вот и покрышек тоже надобно много. Сколько есть.

Арам Ашотович почесал затылок, доказывая тем самым свою русскость, ибо только у русского человека источник знания обретается в затылке, и отвечал:

– На данный момент, ара, с автопокрышками наблюдается плохо. Потому как резина на Нью-Йоркской бирже, ара, пошла вверх. В Гонконге фабрики футбольных мячей закрылись в минусе. РТС и ММВБ показывают разную направленность. А «Тойота» из-за забастовки добытчиков каучука стала выпускать трехколесные седаны... Так что, ара... – и Арам Ашотович многозначительно замолчал.

– Простите, Арам Ашотович, я, конечно, очень извиняюсь, но не хотите ли вы сказать, – осторожно начал Аглай Трофимыч, – что...

– Именно это, ара, я и хочу сказать.

– Что, только от «Приоры»?

– От нее, ара, от нее... – И швырнул армянскую буйну голову на грудь.

Вслед за ним швырнул на грудь буйну голову и Аглай Трофимыч. Но не так чтобы уж очень сильно швырнул, но эмоцию обозначил. А Калика Переплывный не швырнул, а, напротив, сильно озаботился швырянием армяно-еврейских голов.

– Милые, – начал Калика Переплывный, – а че не так? А че не эдак? А че тоска? А че печаль?

– А то, ара, что Аглаю Трофимычу нехорошо, чтобы, ара, «Вещий Олег», ара, мудохался о причалы реки Харонь, ара, покрышками от «Приоры»! Такой, ара, человек, такой, ара, корвет, такой, ара, «Олег», такой, ара, «Вещий», и такая, тьфу, ара, чтобы глаза мои, ара, не видели, чтобы уши мои, ара, не слышали, река Харонь, чтобы по ней, ара, покрышки от «Приоры» колотились. Ара, ара и еще сто раз ара...

И тут голос подал Нупидор:

– Арам Ашотович, и что, красава, нет вариантов?

Арам Ашотович подернул плечами, что означало «Ну конечно, ара, варианты кой-какие, ара, есть, потому что, ара, как не быть вариантов, ара, для таких, ара, людей, как Аглай Тро-

фимыч, как этот, ара, древнерусский дедушка и, конечно же, многоуважаемый Клоп. Но...» И Арам Ашотович глянул на гостей таким простодушным взглядом, что гости поняли: «... дорого, ара».

Сопешшие на брег вещеологовцы переглянулись. Типа, откуда у нас дорого, у нас и полдорого нету, так – четверть дорого где-то завалялась.

Но Арам Ашотович ни на полдорого, ни тем более на четвертьдорого ни в какую. Потому что дорого оно и есть дорого. Ара.

Ну, понятное дело, Клоп не при делах – какие в софе дорого, когда и полдорого нету. Даже и четвертьдорого нет смысла искать. Да и зачем в обыденной жизни деньги Клопу? Так, когда кто на софу приляжет на полежать – то тут Клопу и выпивка, и закуска.

Аглай Трофимыч в принципе не любил платить ни дорого, ни полдорого – так, четвертьдорого куда ни шло, а если дорого, то извини, ара, нет таких денег. И вообще, за фрахт с Калики Переплывного это самое дорого и надо брать. И все странно посмотрели на Калику. Тот как-то засуетился вокруг себя по карманам. В армяке бостоновом нетути, в портах полосатых шевиотовых – ай-яй-ай, в шапке-треухе фетровом за ленточкой – одно а-ля-улю. И тут уж он странно глянул в заинтересованные глаза заинтересованных людей, включая Клопа, странным взглядом. И всем, неизвестно по какой причине, стало стыдно. И все покраснели ровно предвечеренный закат. И все отвернулись от Калики Переплывного. А тот поднял вверх правую руку и пошебуршил ею по-над головой. И по-над головой что-то крякнуло-пукнуло-смакнуло. И свет из правой руки Калики Переплывного брызнул. И свет этот исходил от зажатой в правой руке Калики золотой монеты. А когда весь окружающий Калику людской мир, включая Клопа, повернул оправившиеся от стыда головы к Калике, то все мигом сообразили, что это не то что полдорого, не говоря уж о четвертьдорого, а самое что ни на есть дорого. Потому что речь шла о золотом пердонце, который... Впрочем, об этом чуть позже... И Калика отдал его Араму Ашотовичу.

И Арам Ашотович мигом дал присным своим шиномонтажным указание. И дал другим присным своим другое указание. И дал третьим присным своим третье указание. И по первому указанию одни присные порскнули в сторону на предмет покрышек качественных и достойных того, чтобы корвет «Вещий Олег» околачивал ими причалы по вдоль реки Харони от Москвы-матушки до конца Амура-батюшки.

Другие присные озаботились столом обеденным, где одной долмы было шесть сортов, а коньяк армянский «Арегак» был выписан из самой Армении, куда его спецрейсом доставляли с Болшевского винзавода.

И наконец, третьи присные для телесной улады пригнали на «Ламборджини», «Бугатти» и «Феррари» дам – молодых, красивых, девственных... Ну, не совсем... Секонд-хенд, скажем...

И даже для Клопа даму приволокли чистых кровей, из князей Бярятинских, которая многия десятилетия обитала в скелете ложа княгини Нинель Бярятинской в краеведческом музее в ожидании реституции имени Ушлепино, состоявшего из шести кирпичей, этого самого скелета, ложа и рессоры от передней колесной пары фамильной кареты князей Бярятинских, пожалованной им с плеча Его Императорского Величества Александра Павловича за заслуги, связанные с восшествием того на престол после гибели батюшки его императора Павла Петровича.

Но наши герои от дам отказались, а от обеда (одной долмы шесть видов) – ни в коем разе. Кроме Клопа, которому дама из князей Бярятинских – одновременно и дама, и обед. А коньяк – чистой воды каннибализм.

И после второй чарки коньяка Калика Переплывный поведал высокому собранию историю золотого пердонца.

История золотого пердонца

– Так вот, дети мои, история золотого пердонца, коя совершилась со мною и им в стародавние имена, а когда конкретно, сказать не берусь, потому что в те времена конкретных времен не существовало. А были для простого люда свои имена-названия типа «о том годе, когда горох сам-двенадцать уродился, а Хая Тройная Задница – семь-сорок... Когда Еремеева кобыла от петуха понесла и ихний жеребенок потоптал всех кур... Когда Хмырь Мелкий в запой уходил, и когда Большой Кутас из запоя возвращался...» И разные там «надысь», «одначе», «некогда», «давеча», «когда рак на горе свистнул» и прочие «однова». В общем, календарей не было, да и арифметика только-только в рост пошла. Словом, история золотого пердонца случилась аккурат через зиму после беспардонной диареи в селе Морозилово. И был я о ту пору мальцом махоньким, даже ходить не умел, только ползал, и потому звали меня не Каликой Переплывным и даже не Каликой Перехожим, а Каликой Переползным. А орал я немисливо – так, что коровы ацидофилином доились, морозиловская достопримечательность, а курочка Ряба заместо яичка золотого снесла омлет с помидорами и сырокопченым окороком.

И вот такая вот страшная жизнь из-за моего ора происходила аккурат через зиму после беспардонной диареи в селе Морозилово.

И ничего не помогало: ни укачивание, ни ага-агу на три голоса, ни кормление на три груди, а уж ремнем по жопе эффект давало обратный.

И продолжалась эта бодяга... так, горох, кобыла... Не помню. А точнее, хрен его знает.

И вот, значит, по этому случаю на деревенском сходе решено было послать ходоков к колдунье Стоеросовне, которая за небольшую мзду излечивала на деревне Морозилово болезни малые и средние, а люду с болезнями крупными давала декокт такой целебный, что все болезни враз исчезали вместе со страдающим людом.

И вот, стало быть, эти ходоки приволокли эту самую колдунью Стоеросовну ко мне, чтоб, значит, этот ор немислимый прекратить любыми доступными средствами. Вплоть до декокта такой целебности... В общем, давай, бабка, а уж за нами дело не станет.

Именно так и сказали ходоки Стоеросовне, а уж какое-такое дело за ними не станет, уточнять не похотели. Потому как в зависимости от результата. Мзда – она ведь штука такая: за разные болезни разная, а уж за декокт неимоверной силы и мзда должна быть неимоверная.

И вот колдунья Стоеросовна принялась за дело. То есть за меня. Не было снадобья, которое она бы в меня не всаживала. И против сипа коллоидного, и против сипа глянцевого, против хрипа натужного и хрипа надсадного, против ора тягучего и против ора пиксельного. Ничего не помогало. И даже декокт целебный, которым в какие-то времена Стоеросовна успокоила некоего Аввакума на его смертном одре (если считать таковым горящий деревянный сруб), для меня был ни в шахну, ни в княжью дружину. Орал как и до декокта. И что было делать люду деревни Морозилово? Он решил этот декокт неимоверной силы против самой Стоеросовны обратить. Удалить ее на вечный покой как не оправдавшую доверия. Обрато и мзды не платить. Потому как за что?..

И всобачили в нее все ее микстуры, пилюли, включая декокт неимоверной силы. И что случилось от этого экспириенса? На колдунью Стоеросовну, наскрозь пропитавшуюся микстурами и пилюлями, включая декокт неимоверной силы, в смысле целебности, этот акт подействовал как-то сомнительно. Вместо последнего вскрика Стоеросовна разродилась странными воплями полупесенного свойства, а именно:

Мы с миленком у метра
Целовались до утра,

Целовались бы еще,
Да болит влагалище.

Как-то утром на Камчатке
Я заклепки метила.
Кто-то в ж... засадил —
Я и не заметила.

(Цензура осуществлена Михаилом Федоровичем.)

Да и я не молчал. И два ора слились в один протяжный вой. И на самом кресчендо этого нашенского со Стоеросовной дуэта крайне удивленная им курочка Ряба от страха вмиг перестала нестись омлетами, оглушительно кудахтнула своей натруженной жопкой и натужилась. И все село затаило дыхание... Вот-вот золотое яичко... И мы со Стоеросовной тоже затаили! И курочка Ряба от нашего затаивания оглушительно пернула, и из ее телесного нутра вылетела золотая монета, на которой с одной стороны была двухголовая курица, а на другой – надпись «Один пердонец».

И тут такая картина стала наблюдаться. Тишина. Сплошная. Никто не орет, никто не кудахчет. Морозиловцы этим неожиданным эффектом довольные и тихонечко шепчут «ура» и «да здравствует». Ну, а Стоеросовну на радостях прибили за введение в Морозилове нецензурщины. Обрато и насчет мзды. Курочку Рябу тоже прибили. Потому что золотые яйца – это куда ни шло, привыкши, а вот золотой пердонец – это, как я уже вам говорил, ни в шахну ни в княжью дружину.

А меня на сходе порешили из села изгнать, а то как бы опять орать не начал. И изгнали, и золотой пердонец выдали. Чтобы на жисть было и чтобы люд деревенский на воровство-кражу не смущал. И по заимствованному у древних обычаю посадили в корзину и пустили по местной безымянной реке куда-нибудь. Вот так я стал Каликой Переплывным и заимел золотой пердонец...

И тут один из первых присных, посланных Арамом Ашотовичем за респектабельными покрывками на предмет мудоханья ими о причалы водной России, сообщил ему, что шины доставлены и в лучшем виде присобачены к корвету «Вещий Олег».

И все вышли на берег Харони и, глянув на реку, узрели на бортах корвета покрывки от колес «Ламборджини», «Бугатти» и «Феррари» мэра, прокурора и местной золотой молодежи в лице сына директора рынка Аскера Мамедова Хачика Мамедова (ишь разъездился, ара!). А на колесах ихних «Ламборджини», «Бугатти» и «Феррари» не то чтобы красовались, но стояли покрывки от колес «Лады Приоры».

И когда все, кому нужно, погрузились на корвет, Нупидор отдал концы, в смысле швартовы, Арам Ашотович закричал:

– Слушай, ара, ты конец истории о золотом пердонце не рассказал!..

– А-а-а, – как-то мутно проговорил Калика Переплывный, глядя в набегающую волну. – А конец, мил человек, истории таков. Всякий раз золотой пердонец возвертывается к своему хозяину...

И довольно нагло показал его владельцу «Бигшиномонтажа» Араму Ашотовичу.

И Калика Переплывный замолчал.

И все замолчали. И только Клоп молча спросил:

– Так почему он все время к тебе возвращается?

Калика Переплывный поднял на Клопа глаза и ответствовал многозначительно:

– А этого знать никому не дано.

И вот они поплыли по реке Харонь вниз по ее течению, поперек государства Российского в поисках его соли. Потому как стихотворное объяснение одного советского стихотворца «всем известно, что земля начинается с Кремля» среди обитателей корвета «Вещий Олег» не катило. Понятие это было для них чисто политическое, а в смысле физической географии не существовало вовсе: тот локоть, который вроде как вот он, а хрен укусишь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.